

Плюс жизнь

Автор:

Кристина Гептинг

Плюс жизнь

Кристина Гептинг

Как быть, если тебе восемнадцать, ты рожден с ВИЧ, хочешь стать хирургом и влюблен в ВИЧ-отрицательную девушку? Выход один – оставаться положительным и позитивным. Во всем.

Кристина Гептинг

Плюс жизнь

© Гептинг К., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие

Кристина Гептинг – один из самых чистых и ярких голосов молодой русской прозы. Чуть ли не единственный автор, пишущий сегодня, она умеет балансировать на тонкой грани между экзистенциальным отчаянием и светлым оптимизмом, не скатываясь ни в одну из сторон. Ее дебютная книга – смешная, пронзительная и не смотря ни на что удивительно обнадеживающая – задает идеальный тон для разговора о современной России и ее обитателях. Если вам

скажут, что «Плюс жизнь» – роман о жизни ВИЧ-инфицированных в нашей стране, не верьте: на самом деле это веселая и бесшабашная книга о взрослении, о первой любви, о понимании и принятии себя, о преодолении травмы – словом, о вещах универсальных и касающихся любого человека, независимо от возраста, пола и диагноза.

Г. Л. Юзефович

Часть первая

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут,
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий...

В. Маяковский.

Облако в штанах

Мне так уютно среди женщин, которым за тридцать, ближе к сорока. Мне приятны их мягкие обиталища – бухгалтерии, отделы кадров. Чай, печенье, каталоги «Эйвон», тихонько играет какое-нибудь «Дорожное радио».

– Пиши автобиографию, – сказала мне одна из милых сотрудниц отдела кадров областной больницы и протянула разлинованный листок.

– А что писать-то? – спрашиваю. – И... это... Вы, может, забыли, но я санитаром устраиваюсь, а не главврачом.

– Ой, правда, а мы и не знали, – подхватывая мой шутливый тон, продолжает приятная женщина. – Так положено. У нас и санитары пишут: где и когда

родился, кто родители, какое получил образование. В свободной форме. Только без ошибок постарайся.

– Да ладно, все равно это никто не читает, пиши что хочешь, – рассмеялась из-за дальнего стола другая кадровичка, совсем молодая.

Я пожевал казенную авторучку и принялся за дело.

Я родился 20 августа 1997 года. Город не платил за свет в течение нескольких лет, и терпение энергетиков лопнуло. В тот вечер роды в роддоме принимали при свечах. Мою маму привезли туда с сильнейшими схватками в состоянии героиновой ломки – «Скорую помощь» вызвали прохожие. Врачи сразу заподозрили в ней ВИЧ-положительную – много их стало в последние годы. Рожать отправили в неработающую душевую. Врач и акушерка надели по две пары перчаток. Вскоре родился двухкилограммовый я с признаками героиновой ломки. Меня перевели в детскую больницу, а маму оставили в душевой.

Через пару дней пришел ее анализ на ВИЧ. Естественно, положительный. У меня тоже нашли антитела к ВИЧ. Однако через месяц выписали из больницы – ломку перебороли, вес я набрал, что они еще со мной могли сделать?.. Сказали, надо верить в лучшее – что на самом деле я не заразился и мамины антитела к полутора годам уйдут.

Нас с мамой встречала бабушка. С цветами. Она, как и завещали врачи, верила в лучшее. Ради ребенка мама одумается, оставит наркотики и допишет диссертацию (до попадания мама работала ассистентом на кафедре русской литературы XX века).

Но было не суждено. Мама умерла от передозировки, когда мне было три месяца.

Меня вырастила бабушка.

Мое детство – оно с запахом хлора. Бабушка мыла с хлоркой все, к чему я прикасался. Белье кипятила. И посуда у меня была отдельная. А еще она нашла себе масок из старых простыней. Без маски я ее почти и не видел.

В садик я не ходил. В школу меня бабушка все же отдала, чтобы никто не догадался, что я неизлечимо болен, да еще такой постыдной болезнью.

Сначала все шло хорошо, внешне я ничем не отличался, болел не чаще и не тяжелее других детей, пока вдруг в 7 лет не выяснилось, что придется пить лекарства – это было удивительно, что есть, оказывается, какие-то таблетки «чтобы не наступал СПИД». Таблетки мне понравились – разноцветные. Они внушали надежду, что я проживу не так уж мало.

Всю жизнь с того момента мне предстояло пить сначала пять, а сейчас, когда препараты стали совершеннее, две таблетки в день. Бабушка все удивлялась, что я жив на «этой химии». «Невозможно жрать столько таблеток и долго жить», – говорила она.

Но все же умерла первой. Мне успело исполниться восемнадцать.

Я поступил в университет. Хотел в медицинский, но инфекционист в СПИД-центре, а это единственный человек, которому я доверяю, сказал, что с ежегодными проверками на ВИЧ для медиков я об этом могу забыть – нормально работать с моим диагнозом все равно не дадут. Поэтому пошел на биофак. И хоть выращивать ГМО-картошку и кукурузу по закону нельзя, корпеть над ними в лаборатории не воспрещается, что мне и придется после универа делать. Я не уверен, что это мое – быть ботаником. Наверное, поэтому и иду работать в морг. Буду подглядывать за медициной в щелочку.

– Что за ерунду ты тут понаписал?

– Так вы ж сказали, читать никто не будет. Да, это шутка, конечно, – заржал я. – Разве похож я на спидозного сына наркоманки?!

– Ну ладно, не похож, – услышал я голос молодой кадровички.

– Переписывай, – вздохнула приятная женщина.

Похоже, с такими кадрами они еще не сталкивались.

Я взял новый лист.

Спирин Лев Валерьевич, 1997 года рождения. Мать – Спирина Маргарита Александровна, преподаватель, умерла в 1997 году от внезапной остановки сердца. Бабушка – Спирина Вера Петровна, учитель младших классов, пенсионерка, умерла в текущем году.

Закончил среднюю школу № 28 и поступил в НГУ на биологический факультет.

Проживаю по адресу – ул. Декабристов, д. 110, кв. 88.

Эту биографию милые женщины одобрили.

Вы, конечно, уже поняли, что оба рассказа были правдивы.

* * *

Показать квартиру? Угловая хрущевка. Две плесневелые, плавно перетекающие друг в друга комнаты, по площади не маленькие, но вытянутые, как плацкартные вагоны.

Я живу в комнате, которую бабушка называла «библиотекой». В ней от прежней хозяйки, выжившей из ума школьной директрисы, покончившей с собой, осталась туча книг – от пола до потолка.

Раз уж я взялся тут распинаться перед вами, сразу обозначу круг любимых писателей. Без них я бы сдох, честно. Слова-то дома было кинуть некому. А книга дает иллюзию общения, да и собеседник почти гарантированно – не дурак.

Ну конечно, Сэлинджер. Это вы, должно быть, могли заподозрить. И ничего с этим уже не поделаешь. Я тут прочел, что он сказал перед смертью, мол, «Над пропастью во ржи» – ошибка. Ну да, конечно. Ошибка. А ничего, что благодаря этой «ошибке» я, может, до сих пор жив? Иначе же таким, как я, нам только вздернуться. Ну, или как там, Холден? Оседлать атомную бомбу?

Потом – Вишневский. Упаси боже, не Януш Леон. Я про Вишневского Александра Александровича. Сероватая книжка «Дневник хирурга» с предисловием маршала Жукова. Прочитав ее, я и решил стать хирургом. Но ВИЧ рассмеялся мне в лицо. И ничего, что вируса в моем организме, благодаря лекарствам, и нет почти. Да и

придумали же кольчужные перчатки – это такая суперштука, которая ни при каких авариях не даст мне заразить пациента. И все ведь это прекрасно понимают. Но нет. Мне можно только в морг. (Хотя и туда нельзя, на самом деле, просто анализ на ВИЧ сдавать не обязали.) Я изо всех сил стараюсь, чтобы в моих словах не звучала вселенская обида, но получается что-то не очень, да?

Еще мне Библия нравится. Но только Новый Завет. Ветхий вообще не понимаю и того Бога я не знаю и знать не хочу.

А вот персонаж из Нового Завета – тот, конечно, мне симпатичен. Я уверен: если бы Иисус пришел в этот мир сейчас, то обязательно был бы ВИЧ-инфицирован. Гомосексуал, наркоман, распутник или просто сын ВИЧ-положительной Марии. (Кого вы там ненавидите, презираете или боитесь?) А что, ведь считали же его обманщиком, одержимым бесами, самозванцем – по тем временам самые страшные грехи...

Короче, я знаю, этот чувак – он на моей стороне.

* * *

Бабушка меня не любила.

Бывает так, что бабушка и любит, и не любит одновременно – ну, как у Санаева (вы меня простите за вторичность и ссылки на авторитеты, я же в первый раз что-то осмысленное пишу, и мне навыка не хватает), а моя бабушка меня просто не любила.

Она была мной недовольна по умолчанию. И что бы я ни делал – я ничего бы не смог изменить. Я же ВИЧ-положительный.

А чего быть довольной? Дочь росла вроде хорошей девочкой, а потом влюбилась в этого проклятого Валерку. И где же они познакомились?! В университете! Она пришла ассистентом на кафедру, а он – только после аспирантуры. Нищий был. У него имелись ровно одни брюки. Голову мыл хозяйственным мылом, треснувшие авторучки изолентой заматывал. Решил подзаработать. Ну и так подзаработал, что через полгода сам прочно сидел на героине, да и дуру Марго туда же утянул.

Дура Марго – это моя мама. Проклятый Валерка – папа. Хотя тут уверенность бабушку покидала, ведь «Марго была та еще проститутка последние годы, могла и от другого тебя родить, она уже ничего не соображала, прости господи». Падение моих родителей было чрезвычайно быстрым. Потом я читал, что на героине люди могут и по десять лет жить с виду нормальной жизнью – только самые близкие в курсе их состояния. Моя же мама продержалась от первого до последнего укола всего лишь три года.

Бабушка хотела отдать меня в дом малютки, когда в полтора года диагноз подтвердили окончательно, и ВИЧ уже навсегда врезался в ее жизнь, но Санпалыч из СПИД-центра отговорил ее. Сказал, что я хороший мальчишка, показатели отличные, а там, может, к моему совершеннолетию лекарство от ВИЧ изобретут.

Я – совершеннолетний. Санпалыч ошибался.

Бабушка в лекарство от СПИДа не верила, она почему-то думала, что мама умерла от синдрома, а вовсе не от «отравления неизвестным веществом», как было написано в документах.

– СПИД, сука, я тебя ненавижу! – воздевала она руки к небу, если вдруг на нее накатывала печаль по ушедшей дочке и больному внуку.

Она осталась совсем одна. Дедушка умер еще до моего рождения, старшая дочь уехала в другой город. Подруг у нее не осталось – подозреваю, бабушка намеренно от них избавилась. Какие подруги, когда в семье почти чума.

А я, «камень на ее хилой шее», совершенно не ценю того, что она не отдала меня в детский дом. Издеваюсь, грублю, не слушаюсь.

Когда она меня за это ругала, я все не мог взять в толк, как же я могу вытворять все эти ужасы, если целыми днями сижу в «библиотеке»?

Короче, не любил я бабушку.

Я Нину любил.

* * *

Смуглеет салями, вызываяще поблескивает бутылка водки. Фрукты, конфеты, лимонад.

Радость. Праздник. Нина приехала.

Мне семь лет. Она вызволяет меня из моего невольного убежища:

– Иди поиграй с Ирой и Наташей.

Сначала я иду на кухню и ем деликатесы. Давлюсь от волнения. Ира и Наташа сидят рядом. Одной восемь, другой – десять. Они, конечно, и раньше приезжали, например, прошлым летом, и Нина точно так же предлагала мне их компанию, и мы играли вместе, но за этот год они, как мне показалось, уж очень выросли. А я будто бы остался прежним. В общем, с моей семилетней точки зрения, они ужасно взрослые. Тем почетнее возможность поиграть с ними.

– Ты не боишься? Я бы на твоём месте к дочкам его не подпускала, – заводит бабушка старую песню.

– Нет, ВИЧ же не передается воздушно-капельным путем, сколько раз я тебе это говорила. И ты уже сними маску, мам. Ну, сколько можно?

– Вот ты так уверена, что не передается? – спорит бабушка. – Ещё каких-то двадцать лет назад и вируса-то такого не было, ну и как можно говорить, как он передается, а как нет? Ну уж нет, я согласна умереть от гипертонии, от инфаркта, от чего угодно, но не от того, что кожа станет, как у ящера. Нам инфекционист показал фотографию. Сказал, что если я таблетки ему давать не стану, то будет у него какая-то саркома, лимфома и вообще туберкулез.

Бабушка разрыдалась.

– Да ладно тебе, мам, – утешает её Нина. – Мальчишка вон какой симпатичный, умный, безо всяких курсов к школе отлично готов. Ещё нас с тобой переживет.

– Не дай бог! – Машет руками бабушка. – Кому он нужен, кроме меня?! На кого я его оставляю?

Я ощущаю внутри себя чувство вины. Из-за того, что я родился с каким-то там плюсом, бабушка даже умереть спокойно не может. Вроде быть положительным – это очень даже и не плохо. Не зря про хороших персонажей в книгах и фильмах говорят – «положительный герой». А я положительный – и это почему-то страшная беда.

Но сегодня мне весело. Ира и Наташа здесь!

* * *

Я же не сказал, кто такая Нина. Это падчерица моей бабушки. Когда бабушка вышла замуж за дедушку, у него была дочь, то есть Нина, рано оставшаяся без матери. У самой бабушки тоже уже имелась дочь, моя мама, совсем маленькая.

Уж не знаю, как проходило детство Нины и моей мамы, но бабушка говорила, что их обеих считала родными. Нина стала ее отрадой, когда «дура Марго» пустилась во все тяжкие.

Нина вспоминать сестру, впрочем, не любила.

– Много о себе думала, вот и получила! – все, что изредка говорила она.

...Помню, когда я пошел в школу, а привела меня туда, конечно, бабушка, сосед по парте на первом же уроке задал мне вопрос:

– Где твоя мама?

– Да так, умерла, – и добавляю многозначительно: – Много о себе думала, вот и получила!

Сосед посмотрел на меня со смесью удивления и почему-то уважения.

А я с детства занимаюсь маминой арифметикой. Ее год рождения, 1972-й, отнимаю от нынешнего. И считаю: а сколько бы ей было сейчас лет? Какая бы она была? Я почему-то уверен, что с годами мама бы становилась красивее, умнее, счастливее. Жизнь бы наполняла ее. Но к чему эти фантазии?

Мамы у меня нет, не было и не будет.

А Нина работала журналисткой в издательском доме «Провинция». В соседнем городе. У нее было мало свободного времени, но все же она выкраивала пару дней раз в три месяца, чтобы навестить нас. И этих дней я так ждал, как и шахтеры не ждали зарплаты в год моего рождения.

Я тут недавно выбрасывал старое бабушкино постельное белье и в каких-то проштампованных наволочках нашел заметку из газеты «Провинция» под заголовком «ВИЧ – наш бич». Речь в ней шла о мальчике Л., родившемся от ВИЧ-положительной матери, которого растит нищая бабушка-учительница. Концы с концами они сводят еле-еле, хоть Л. и получает от государства две пенсии: как сирота и как ребенок с ВИЧ. Мальчик красив, активен и с виду здоров. Зачислен в общеобразовательную школу. Но что ждет его в будущем? – задается вопросом автор статьи. Готово ли общество принять не такого, как все, гражданина?

Автор – Нина. И хоть сейчас я понимаю, что статья-то написана совершенно беспомощно, я благодарен ей хотя бы за такое участие в моей судьбе. Черт возьми, ведь именно этого мне и не хватало всегда.

Л. – это я. Я уже писал, что меня зовут Лев? Более долбанутого имени сложно себе представить, я считаю. В детстве я недоумевал: зачем меня так называли? Почему не Бегемот, не Заяц, не Улитка? Потом свыкся. А бабушка объяснила. Медсестра ей сказала, когда она примчалась в реанимацию, что сейчас на небе созвездие Льва вот прямо в ударе, и надо дать мне такое же сильное имя, как и знак Зодиака.

Эта же медсестра – видимо, в ее голове кипел эклектичный эзотерический суп – настояла на том, чтобы меня окрестили там же, в реанимации. А у меня ломка, представляете? Молодой священник, по ходу, до этого младенцев видел только на благостных мероприятиях в стенах храма, поэтому тощий красный червяк, исходивший поносом и бьющийся в конвульсиях, произвел на него тяжкое впечатление. Жалких десять минут покудесил он над моей душой и предпочел

покинуть аскетичные интерьеры реанимации. Мне неудобно – может, я ему до сих пор в страшных снах являюсь? Или я много о себе думаю?

Вообще, да, я много о себе думаю. А о ком еще думать? Вокруг меня слишком долго не было ни одной живой души.

* * *

Конечно, я немного преувеличиваю. Был у меня друг. Всего один, Рома. Он, в отличие от меня, в медицинский все же поступил, счастливчик, и в морг мы пошли работать вместе.

О моем диагнозе одноклассники так и не пронюхали. Знали только школьная медсестра и директор. Она-то меня в школу принимать не хотела, но Нина пригрозила ей прокурорской проверкой – не все в порядке было в школьной бухгалтерии. И строго-настрого приказала директрисе молчать о моем ВИЧ, ведь если бы узнали родители других детей, началось бы такое... Хотя в семь лет, когда я пошел в школу, я, честное слово, не собирался еще ни с кем заниматься сексом, да и наркотики в этом возрасте обычно не принимают. Но ведь все эти квохчущие над своими здоровыми детьми родители уверены, что я только и думаю, как передать свой гадкий вирус их чадушкам – а ну как покусая, или поцарапаю, или еще что? Они находятся в перманентной истерике по поводу ВИЧ, поэтому никогда не услышат, что так он не передается.

Но не сблизился с одноклассниками я, в общем, по другой причине. Класс наш был «Э» – экспериментальный. После седьмого набрали двадцать восемь ребят (девочек почему-то не взяли) с большими способностями к естественным наукам, но все не могли быть одинаково успешными. Те, что были умнее, не могли отказать себе в удовольствии подкалывать менее продвинутых в учебе. Ну и конечно, не в выигрыше были прыщавые, толстые, чересчур скромные (по этой причине никто, кроме меня, не дружил с Ромой). Также не любили рыжего долговязого Зайченко, сына алкоголиков. Не пользовался авторитетом и узбек Чингизов, хотя учился он превосходно. Я болтался где-то между двух миров – успешных и отверженных – и боялся: только бы никто не узнал о моем ВИЧ, ведь это окунуло бы меня лицом в компостную яму.

Я и по сей день молчу про свой диагноз. Нет, не то чтобы я хотел каждому встречному о нем рассказать, просто как бывает: пью, например, в универе

утреннюю таблетку, а у меня спрашивают: это что? И мне каждый раз врать, что это витамины? Пожизненные такие...

Или еще, ну, это уже лирика. Выпиваю, скажем, на пару с другом бутылку-другую вина или пива бутылки три. И тянет меня на философию. Вдруг становится страшно, что не сегодня так завтра вирус опояшет кожу лишаям, обозначит лимфоузлы одутловатыми сливами, наградит несбиваемой температурой месяца так на два. Я знаю, как работают мои таблетки, и понимаю, что эти страхи беспричинны. Но болезнь, как ни крути, полностью вылечить нельзя. Рассказать о том, что на душе – необходимо, но раскрыться страшно. Велик риск, что собеседник натянет на себя накрахмаленную маску – нет, не ту, что носила бабушка, – а метафорическую, ментальную, и я в эту секунду погибну для него, а он – для меня.

Итак, Рома был единственным человеком в моем окружении, которому я, собственно, как-то за пивом и сообщил:

– Знаешь, а у меня ВИЧ.

Он чуть не упал с трубы, на которой мы, будто гопники, а не студенты приличного вуза, сидели тем сентябрьским полднем.

– Ну, она хоть красивая была? – попытался пошутить Рома.

– Кто? – не понял я.

– Ну, девчонка, от которой ты заразился...

– А, девчонка! Ну да, ничего такая. Правда, не сказал бы, что девчонка. Ей уже 25 было.

Рома присвистнул.

– Фига ты, Лео. Честно, вот никогда бы не подумал, что ты способен с такой опытной.

Я нервно ржу:

– Меня заразила мать. Скорее всего, это произошло во время родов.

– Извини... Блин, я, к сожалению, мало знаю о ВИЧ, – смутился Рома. – Как тебя поддержать?

– Все нормально, – ответил я. – Я этого вируса и не ощущаю. Просто захотелось сказать.

– Вечером будешь? – перевел тему Рома.

– Где?

– Где, где?! Ну, мы же с тобой договаривались. В антикафе. Там сегодня «Прыщи и бедра» выступают. Забыл, что ли?

Точно. Солистка «Прыщей и бедер» (самокритичное название), студентка филфака Диана, мне нравилась. Такая мягкая, полноватая флегма. Ей бы в библиотеке книги выдавать или в садике хороводы с детьми водить, но она, облачившись в рваную майку и наведя странный макияж, пела то, что сама определяла, как трип-хоп. В принципе это было стильно и довольно интересно. Я думал, что вот к ней-то можно было бы подкатить и предложить проводить ее домой и все такое. Она внушала мне доверие. Хотя что я вам вру? Какое доверие? Не доверяю я никому.

Не доверяю и не верю. Но надеюсь. Я читал, это все потому, что мне еще только восемнадцать.

* * *

Слово «хипстер» уже отмирает вместе с Look at me, но околехипстерская мода остается. Эта одежда, эти тусовки, соответствующие фильтры в инстаграме.

Кирпично-красные узкие джинсы, чуть подвернутые, зеленая толстовка, кеды. В любую погоду кеды. Оголенные щиколотки.

Собственно, комплектов одежды у меня всего два – есть еще, наоборот, зеленые джинсы и красная толстовка (ее особенно люблю – на ней нарисован Маяковский). Начну нормально зарабатывать – куплю себе одежды. Стильные шмотки я обожаю, как бы говорю себе: «Ну и плевать, что у меня этот поганый вирус, зато я красивый, черт возьми!»

Короче, раньше бы сказали, что тем вечером для антикафе я оделся, как пидор. А теперь так одевается каждый второй. Вдобавок я побрился налысо и художественно выбрил небольшую бородку. В то время как у моих сверстников только начинает появляться редкая растительность на щеках, я уже борюсь с серьезной щетиной. На вид мне куда больше восемнадцати. «Придется жить экстерном», – выдал я зеркалу, когда впервые это обнаружил.

Это чертово бритье меня выбило из колеи. Я совершенно забыл о времени. На выступление я опоздал, и пения Дианы не услышал.

Открыв дверь в зал антикафе, я погрузился в непривычную, псевдоинтеллектуальную атмосферу. У импровизированной сцены происходила настоящая драка. Как я понял через пару секунд – женская. Девчонка с дредами что есть сил лупасила солистку «Прыщей и бедер». Та еле отбивалась, хоть и была выше и крупнее соперницы. Их пытались разнять, впрочем, как-то вяло: общеизвестно, что женские драки обладают особой сексуальностью и иной раз за ними приятно понаблюдать.

– Сука, чтоб ты сдохла, тварь! – лютовала девчонка с дредами. – Ты же мне нос сломала, уродина жирная!

Тут их наконец отлепили друг от друга.

– Вроде и правда нос сломан! – заключила подружка девчонки с дредами.

– Пропустите, я студент-медик, – соврал я, пробираясь через толпу.

Рома уже занимался Дианой – я мельком увидел ее расцарапанное в кровь лицо.

На лице же девчонки с дредами крови не было, но сильно отек нос. Она уколола меня злым взглядом.

На вид ей было лет шестнадцать. Не больше.

Я осторожно дотронулся до ее лица. Пальцы мои были взволнованно мокрые. Не люблю, когда они такие.

– Ай, больно же, студент, – капризно простонала она.

– Нет никакого перелома, – диагностировал я. – Просто ушиб.

Я вытащил девушку на улицу. Она была пьяна.

– Тебе сколько лет? – спросил я.

– Ой, только не надо вот этого, – отмахнулась она.

Ее стошнило. Я протянул ей влажные салфетки и бутылку воды.

– Я сдохну, – прошептала она, завязывая в узел облевленные дреды.

– Нет, проспийся, и завтра все будет по-другому.

– Я не об этом, – сказала она. – Меня рвет при красивом парне. Вот это конец света.

– А ты трезвеешь. Спасибо за комплимент.

Ее рвало, знобило, шатало. Минут примерно сорок. И я подумал – что-то в ней есть.

– Ну, все? – спросил я, когда она начала клевать носом. – Пора к мамочке под крылышко?

– Я не люблю свою мать, – буркнула она.

– А я свою вообще ненавижу. И поверь, как бы с тобой ни поступала твоя родня, по сравнению с настоящим преступлением моей матери – это цветочки.

– Какое преступление?

– Родила меня... Да забей, долго рассказывать. Лучше ответь, как тебя зовут?

– Ариша, – выдала она наивный детский вариант своего имени.

– Да какая ты Ариша! – рассмеялся я. – Ты целое Аринище!

– Сам такой, – обиделась она. – А я сорок пять кг вешу!

* * *

Мы сели не на тот автобус – я не знал, как добраться до района, где живет Арина – и доставил ее домой лишь ближе к полуночи. Дверь открыла полная женщина с вишневыми волосами.

– Это с тобой она, значит, последнее время шляется! – с порога заголосила ее мать. – Она несовершеннолетняя, ты имей в виду! Наверняка это чучело уже прыгнуло тебе в постель!

– Не кричите, пожалуйста, – попросил я. – Я вообще-то с Ариной почти не знаком. Вы хоть заметили, что у нее ушиб? Проследите за ее состоянием, мало ли, появятся симптомы сотрясения.

– О боже, как же так, – запричитала Аринина мама. – Может, «Скорую»?

– От «Скорой» толку не будет. Пусть она поспит, а если наутро что-то будет беспокоить, кроме похмелья, тогда в травмпункт.

– А ты что, врач?

– Нет, я студент. Биолог...

– Господи, да за что же мне такое наказание, – рыдала Аринина мама, стаскивая со спящей, но, тем не менее, продолжающей сопротивляться дочери обувь и

куртку. – Как я боюсь, что совсем пропадет. Или с наркотиками свяжется, или в подоле принесет. А ты с ней дружишь, общаешься, или что?

– Мы случайно познакомились. Я просто ей помог добраться до дома.

– Спасибо тебе. Чаю хочешь?

– Хочу. Я и есть хочу, если честно...

Вообще, она оказалась вполне милой. Простая русская женщина, как о них обычно говорят. Двадцать лишних килограммов, халат на молнии, пицца, жаренная в большом количестве масла. Галина Геннадьевна.

– А ты хороший мальчик, – оценила она меня.

В полный восторг я привел ее рассказом о том, что в свободное от учебы время подрабатываю в патоморфологическом отделении (она не знала, что это морг, название звучало солидно) и что у меня есть собственная квартира. А еще профессия у меня перспективная. «За биоинженерией будущее», – заверил я Галину Геннадьевну.

– Ты Аришке позвони завтра, – сказала она вкрадчиво. – Пригласи куда-нибудь. Она неплохая девчонка, честное слово, хоть и выглядит, как чучело, прости господи. Она учится не то чтобы хорошо, но умненькая, читает много, на флейте играет. Наверно, это все возраст этот переходный. Проклятуций.

Пригласить куда-нибудь? Это очень щепетильный вопрос, несмотря на то, что девчонки (из параллели, с подготовительных в институте, или те, что встречались мне на концертах или в кино) в принципе симпатизировали мне. Частенько я записывал номер какой-нибудь новой знакомой, но так ни разу никому и не позвонил. Ни в одной из них я не видел той, кому можно было признаться в том, что я неизлечимо и заразно болен, не предчувствуя мгновенного вежливого отказа.

Я и девственности планировал лишиться с проституткой, но в последний момент что-то пошло не так. Не уверен, что это интересно, но давайте расскажу.

* * *

Еще когда мне исполнилось 14 лет, Нина привезла мне свой старый компьютер. Я очень просил. «Для учебы надо», – говорил.

Интернет, конечно, здорово изменил мою жизнь.

Параллельно с миром любимой полостной хирургии, еще шире открывшимся для меня (книги, статьи, видеозаписи операций), я обрел физическое удовлетворение благодаря доступной в Интернете разнообразной порнухе. Я подозревал, что этим мне и придется пожизненно ограничиваться, потому что примерно с этого возраста бабушка начала систематически повторять:

– Не вздумай ни с кем спать! Не порти девчонкам жизнь!

Она убедила Нину больше не возить к нам Иру и Наташу. «А если он с ними переспит? Мало ли что в его спидушную голову придет!» – говорила она дочери. Вскоре и сама Нина свела на нет общение со мной. Она словно не знала, что ей со мной, подростком, делать. Ее краткие визиты постепенно стали полностью подчинены общению с бабушкой.

Мне не были нужны ни Ира, ни Наташа, ни прочие девчонки, с которыми я знакомился в Интернете и в жизни. Ни одна не сбивала моего дыхания. Кроме того, я хорошо помнил постулат, который с этого же возраста начал вдалбливать мне Санпалыч: перед сексом обязательно рассказать о ВИЧ. Заразить на таблетках – невозможно, тем более используя презерватив, но по закону надо предупреждать.

– Считается, что партнеры должны знать о потенциальных рисках заранее, – говорил Санпалыч дежурно.

– Да какие партнеры, – смеялся я в ответ. – Нет у меня никого. И, может, не будет.

Я представлял лица девчонок, когда я им говорю: «У меня ВИЧ», и все мои желания отступали.

– Тогда только с проституткой, – заключил Рома, выслушав в очередной раз жалобы на мое невыносимое сексуальное томление: «Почти восемнадцать лет, а я еще...». Странно было слышать от скромника-Ромы такой совет, да и показался он мне мало осуществимым, однако засел в подкорке.

Мне всегда казалось, что использовать других людей нехорошо, даже если ты им за это платишь. К тому же от бабушки я знал, что моя мама вплоть до родов промышляла древним делом, и я смущался от мысли, что могу воспользоваться услугами ее коллеги.

Но... Прошел месяц, как умерла бабушка. Из ее «гробовых» оставалось пять тысяч. И вот я листаю фотки в специализированной группе «ВКонтакте». Я выбрал шатенку «Сару» двадцати пяти лет. На лице у нее глубокие кратеры, тщательно подмазанные тональником. Я люблю женщин с несовершенной кожей. Среди прочих они кажутся мне наиболее настоящими.

– Боже мой! – воскликнула Сара, пересчитывая купюры. – Ну, если уж с тобой, мальчик, никто бесплатно не хочет, ну тогда я не знаю...

– У меня ВИЧ.

– Да не гони!

– Это правда.

– Ну и ладно. ВИЧ и ВИЧ. Я знаешь скольких таких знаю. Люди как люди.

– А ты толерантна.

– Что?

– Да ничего.

– Ты еще и умный, – сказала она, как-то по-матерински потрепав меня по щеке.

И вот после этого жеста я совершенно не мог представить себя вместе с ней в постели и решил, что не буду заниматься сексом.

Сара начала было раздеваться, но тут у нее зазвонил телефон. Она хотела нажать на «отбой», но я быстро сообразил:

– Да ладно, ответь, – на экране высветилось слово «мама».

– Соска на микроволновке, мам. Ну посмотри внимательнее. Да куплю я смесь. И продуктов куплю. Да, привезут. У нас всех кассиров развозят. Ну ладно, мам, я работаю.

Она была похожа на лошадь, в которую влили ведро крепкого кофе и заставляют возить туристов на площади. Поговорила – и опять напускная веселость на лице.

Я перехватил ее руку, устремившуюся к моему ремню.

– То есть я хочу секса, а ты хочешь заработать ребенку на смеси, так?

– Ну, так, – она пожала плечами. – Сейчас кризис. Раньше мне хватало не только на покушать. А теперь мало клиентов стало – ну, в сравнении с тем, что два года назад было. Так еще и родила. Ему то одно, то другое надо. Кошмар. Ну че, начнем? Скоро за мной приедут.

– Ты знаешь, я передумал, – сказал я. – Иди. Я... не хочу...

– Почему? – удивилась она.

– Ты мне не нравишься, – не нашел ничего лучше, чем в очередной раз соврать.

– А ты мне понравился, прикинь? Молодой, красивый. Не нахал. Ну не хочешь, как хочешь. Слушай, а можно я полежу? Устала, как сволочь.

Она отвернулась к стене и закрыла глаза.

...А когда она уходила, я решил, что драматургия ситуации вполне позволяет ее поцеловать. К тому же я хотел проверить, правда ли, что у проституток действует правило «только не в губы». На поцелуй она ответила с готовностью и почти с жадностью. Наверное действительно понравился. Или ей надо было хоть

как-то отработать пять тысяч?

– Ну все, мне пора. Я бы осталась, но...

– Работа ждет?

– Ага.

– Сара! – что-то торкает внутри и я кричу ей: – Сдай на ВИЧ.

– Но у нас же ничего не было.

– Давно у тебя эти штучки на коже? Похоже на контагиозного моллюска.

– На что похоже?.. – переспросила она.

– Проблемы с кожей, говорю, давно у тебя? Такое иногда бывает при ВИЧ.

Она озабоченно поскребла щеку.

– Хорошо, сдам – ответила она. – Хотя даже если и ВИЧ, это не самое страшное. Чего со мной только не было. Я уверена, что самое ужасное в моей жизни уже позади. Дагестанский мальчишник. Я потом не верила, что осталась жива. Клиент-шизофреник не выпускал меня из квартиры несколько дней – три пальца мне, помню, сломал... Еще был бордель в Турции, ой, не буду продолжать. А ВИЧ, что ВИЧ? Есть ведь лекарства какие-то? Ну и прекрасно.

«Ушла. Слава богу», – подумал я, вновь оставшись один.

А ведь мне могло бы быть с ней хорошо. Но я с детства не научен радоваться жизни. Это надо уметь. Я, видимо, не способен.

* * *

На следующий день после того происшествия в антикафе я позвонил Арине.

– Ой, привет, – удивилась она. – Я правда почти не помню вчерашнего, но мама говорит, что я должна считать тебя своим ангелом-хранителем. Может, ты меня еще раз выручишь? Я в этом странном антикафе флейту забыла. Ну как забыла... Я же этой идиотке пару раз дала флейтой по ее немытой башке, и потом она куда-то делась. А флейта – самое дорогое, что у меня есть. Давай сходим туда, ты заберешь ее. А то мне стыдно заходить одной.

– Хорошо, – согласился я.

Я чертовски волновался. Еще раз выбрил голову, хотя что там могло отрасти за сутки. Подправил бородку. Полчаса симметрично закатывал штаны.

Это было не то чтобы свидание, но волновался я так, будто мне придется сегодня делать ей предложение. Что я за человек такой? Может, я эту Арину больше и не увижу никогда.

Протягиваю ей застывшую в никеле утонченность и гармонию – ее флейту:

– Если бы я не знал, ни за что бы не подумал, что ты играешь на флейте.

– Я хорошо играю! Это лучший инструмент в мире! Хочешь послушать?

Сыграла. Я похвалил:

– Молодец.

Хотя мелодия меня ничуть не тронула. Я к музыке, как и к еще тысяче вещей, равнодушен.

– Знаешь, почему я подралась с той сукой?! Мы с ней договорились играть вместе. Моя флейта, ее вокал. Репетировали, выступили на прошлой неделе. Выступление классное получилось. Я, дура, радовалась, обнимаю ее, говорю, вот как здорово, Дианка, вышло! Я думала, ей тоже понравилось вместе работать. И что в итоге? Я приезжаю на выступление в антикафе, а она заявляет – я передумала насчет флейты, извини. Тварь жирная. Она просто не захотела делить со мной успех. Сволочь! Поэтому я на концерте хорошенько напилась, а потом решила показать ей, где раки зимуют. Знаешь, как мне перед моими

друзьями было стыдно? Я же пригласила их на выступление. Не, ну скажи, в чем я не права?

– Ты абсолютно права, – успокоил я ее. – А теперь плюнь и разотри.

Я смотрел в ее глаза. В них – надлом и досада от житейской неудачи, мини-предательства. Ее искреннее отношение к жизни меня очень тронуло. Я не знал, что это такое – вся эта невротичность, горячка чувств. Уже давно ничто меня, кажется, не способно вывести из себя.

Умерла бабушка – я просто пожал плечами, сообщил об этом соседке и доверил ей все сделать самой, вручив найденные в шкафу «гробовые». А сам ушел на неделю жить к Роме.

Так же и с Ниной. Я уже говорил, что когда я вырос, она отдалилась от меня. Помню, осознав это, я немного всплакнул. Но быстро понял: то, что я совсем один – это, во-первых, неизбежно, а во-вторых, к лучшему. Меньше привязанностей – меньше боли. Или я так себя утешал?

* * *

Мы целовались, как сумасшедшие. Это были не поцелуи, а борьба какая-то, честное слово. У меня даже заболело лицо.

Продрогли на холодной скамейке, вдобавок начался дождь.

– Пойдем к тебе домой! – неожиданно предложила Арина. – Ты же один живешь?

– Один, и именно поэтому я неделями не мою посуду и не делаю уборку. Мне и пригласить тебя неудобно. А вообще, не в этом дело. У меня дежурство через два часа.

– Ну вот, а я так хотела с тобой переспать.

– Успеем еще, – сказал я (не верится – о боже, о чем я веду разговоры!). – Ариша, маленькая моя, я тут недавно переспал с проституткой, так она и то вела себя

чуть скромнее.

Дурацкая хвастливая ложь. Идиот. Приятно это, что ли, цеплять самолюбие симпатичной девчонки? Не знаю.

– Ну и иди к своим проституткам, – надулась Арина. – Я просто говорю, что думаю. Ты мне нравишься. Может, мне еще никто не нравился так, как ты. И вообще, ты вызываешь у меня доверие. Почему мы не можем просто заняться сексом? Для этого надо полгода ходить за ручку, признаваться друг другу в любви? А так нельзя? Просто потому, что хотим?

Что же в этот момент меня так очаровало? Ее дикция. Говорит она быстро, четко, аргументы летят в меня взрывными вспышками.

– Приходи завтра вечером, – я заткнул ее поцелуем. – Я тебе адрес «ВКонтакте» скину.

* * *

Вся моя горе-семья – филологи. А вот я таланта складно излагать мысли не унаследовал. Вечно перескакиваю с одного на другое. Про морг вот все никак не соберусь рассказать.

По великому знакомству туда сначала попал Рома (его дядя – не последний врач в областной больнице), а за ним и я. Работа хлебная. Родственники наших клиентов обычно щедро доплачивали за дополнительный сервис. И никогда не торговались.

Эти сутки, правда, выдались не денежными. Привезли всего одного мужика. Никаких родственников не объявилось. Почему – красноречиво объясняла его саркома Капоши во всю задницу.

– Бедняга, – вздохнул я. – Этот гей мучительно умер.

– С чего ты взял, что он был геем?! – спросил Рома отчего-то взволнованно.

– Ну, здравствуйте. Кто из нас будущий медик – я или ты? Ты на локализацию саркомы глянь. Не лечился он, судя по всему, совсем. Кахексия. Рот весь в кандидозе.

Ужас нарисовался на Ромином лице.

– Лео, я не верю, что и ты когда-нибудь вот так... Когда видишь это своими глазами, совсем по-другому воспринимаешь ВИЧ. Я все время думал, что меня это не касается. Наверно, для врача я слишком впечатлительный.

– Ничего, это пройдет, – ржу я. – Поработаешь в морге, трупы покроешь на учебе – к шестому курсу успокоишься. А если нет – пойдешь ко мне ГМО изучать. А умирать я не собираюсь. Нет, ну, то есть собираюсь, но не от СПИДа. Полно других причин для смерти. Короче, я настроен оптимистично.

– Уж куда оптимистичнее, – покачал головой Рома.

Да, сильно он расстроился из-за саркомного мужика. Или другие были причины. Я спросить не решился.

* * *

Оказалось, я тоже впечатлительный. Мне как раз снился тот мужик с саркомой, снимающий ее с себя, как кольчугу, и передающий мне, когда я услышал звонок в домофон.

Я почему-то не верил, что Арина на самом деле придет.

– Чуть не проспал свое счастье, – сказал я.

На пороге моей квартиры стояло именно что счастье. По законам жанра она была в летящем белом платье, дреды собраны в пучок, пирсинг из губы убран. На лице – тот минимум косметики, который мы, парни, обычно и не замечаем.

Но Арина была бы не Ариной, если бы не надела к белому романтичному платью ботинки-гады, а за плечи не повесила бы огромный брезентовый рюкзак.

– Тут все мои вещи, – пояснила она. – Мало ли, мне тут понравится. Ты один в двухкомнатной квартире, не откажешь же девушке в пристанище, так сказать?

– А мама знает о твоих планах?

– Она выгнала меня из дома. Я сделала татуировку.

– Это какую надо было сделать татуировку, чтобы мама на тебя так агрилась?

– Смотри, – и она приподняла платье. На бедре умудрилась поместиться длинная фраза: «Все умрут, а я останусь».

– Очуметь. Никогда еще не видел красивых татух на русском. Твоя – ничего такая.

– На самом деле, она выгнала меня не из-за тату. Это просто предлог, да и не выгоняла она, а сделала так, чтоб я сама ушла. Она нашла себе мужика. Квартира-то у нас однокомнатная, я мешаю. А ты ей нравишься, она тебе доверяет. И я тебе пригожусь – от меня может быть очень большая польза.

– Да? Это какая?

– Готовить умею. Нет, ну, правда. Порядок буду поддерживать. Ремонт вот надо сделать. Ну, хоть обои переклеить. А то смотри, плесень ползет, ужас. Как ты тут живешь?

Она помыла посуду и поставила вариться картошку.

– Ты странно хозяйственная для своих лет, – сказал я.

– Суровое мамино воспитание, – усмехнулась Арина. – Она меня родила, как это называют, «для себя». Папашу своего я ни разу не видела, он, получается, был кем-то вроде донора спермы. Помочь со мной маме было некому, а работать надо. В садик я редко ходила – я страшный аллергик, от садовой еды покрывалась красной коркой. Со мной то соседка сидела, то подружки мамы. Лет с трех я стала оставаться одна на полдня. В шесть уже сама себе готовила. И вообще пришлось многому научиться.

Я раскачивался на трухлявой табуретке и наблюдал за тем, как она хлопчет на сиротской кухне. Черт, в этот момент мне казалось, что солнце вытащило все свои лучи и обрушило их на мое жалкое жилище.

Сейчас я ей скажу о диагнозе, и солнце, возможно, погаснет. Но, наверное, тянуть с признанием не стоит. Пусть лучше уходит сразу.

В такие минуты моя ненависть к матери, судьбе, Господу Богу достигала апогея. Какого бы циника я из себя ни изображал, а самое страшное в этом гребаном мире – быть отверженным. Никому и никогда не добиться стопроцентной независимости. Ты всегда будешь прикидывать, а не пошлют ли тебя куда подальше с твоей заразой и чудовищной перспективой лимфомы и туберкулеза.

...Арина сказала только:

– Бедненький. Это больно?

– Ничуть. Но, к сожалению, заразно. А еще неизлечимо, да.

– Я могу спросить, как это случилось? – осторожно произнесла прежде казавшаяся мне диковатой Арина (и откуда в ней столько такта вдруг нашлось?).

– Как я заразился? Меня родила инфицированная женщина. Что еще сразу объяснить, чтобы постоянно одни и те же вопросы не всплывали?

Она замялась:

– А сколько... сколько...

– Сколько я проживу? – уточнил я. – Не знаю, и никто не знает. Говорят, есть вариант, что можно мучить планету весь свой биологический возраст.

– Ну и прекрасно, – пожала плечами Арина. – Ты мне только дай что-нибудь про ВИЧ этот твой почитать или видео какое посоветуй посмотреть. Для общего развития. Не, ну про презервативы я знаю, конечно, а больше ничего.

– Еще что от СПИДа умер Меркьюри, да?

– И Айзек Азимов, – добавила Арина.

Она задернула шторы.

* * *

Она поселилась у меня. Ее мама и правда была не против. Фантастика – ведь мы с Ариной были знакомы всего несколько дней.

– Шестнадцать лет – это, в общем, нормальный возраст, чтобы жить с мальчиком, – излагала Галина Геннадьевна у меня на кухне свою позицию. – Не запружай ее дома, если она так влюбилась. Главное, предохраняйтесь. Она для ребенка еще мала, да и тебе-то всего восемнадцать. Ты не думай, что я от Аришкиных дел отстраняюсь – я ей 500 рублей в неделю буду давать и все ей покупать, что надо – ну, одежду, учебники. В школу буду наведываться, если надо. И к вам заходить. Ну, по звонку, конечно.

Она говорила торопливо – внизу, в машине, ее ждал Володя, Аринин новоиспеченный отчим.

– Противно, – сказал я Арине, когда ее мама ушла.

– Ты о чем?

– О том, что она ко мне хорошо относится лишь до того момента, пока не узнает, что у меня ВИЧ.

– Это конечно... – согласилась Арина. – Но ведь и ты не готов говорить о ВИЧ, как об обычном заболевании. Ну, как если бы у тебя был диабет. Представляю, как ты боялся мне об этом сообщить. Начни с себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gepting_kristina/plyus-zhizn

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)